

Большинство записей в этом списке были звонками, которые он делал домой, изредка попадались и те, что предназначались Нин Шань. Все они были короткими, состояли из пары фраз с пожеланиями добра, после чего звонок завершался. Лу Хэнин слушал их один за другим и, когда уже почти удалил все, вдруг наткнулся на разговор, в котором он и Нин Шань шутили.

Нин Шань спросила:

— Тот маленький супермен в противогазе снова бегают?

Он с улыбкой ответил:

— Бегают, каждый день и с таким энтузиазмом. В последние дни я его постоянно вижу.

Нин Шань рассмеялась:

— У вас там смог тоже сильный, наверное, уровень загрязнения уже критический?

Он кивнул.

Нин Шань продолжила:

— Серьезно, я готова поспорить с тобой на пачку острого лапши, что этот человек, скорее всего, твой знакомый.

Она причмокнула и добавила с хихиканьем:

— И, возможно, это кто-то, кто тайно в тебя влюблен и специально устраивает эти случайные встречи!

Лу Хэнин изначально предполагал, что «человек в черном» как-то связан с нянечкой, но забыл, что когда он впервые увидел человека в черном, нянечки еще не было. Тогда он восхищался его физической формой, тем, как он бежал большими шагами, но при этом его движения оставались грациозными, с гордо поднятой головой и легкой поступью. Неосознанно он начал обращать на него больше внимания, а после нескольких встреч заметил, что у того пропорциональное телосложение, длинные ноги, и хотя лицо было скрыто, очертания позволяли предположить, что он действительно невероятно красив.

Те несколько раз, когда они быстро проходили мимо друг друга, Лу Хэнин не встречался с ним взглядом и даже не думал, что когда-нибудь снимет с него маску и увидит лицо, которое вызовет у него смех, — хотя он не мог не признать, что лицо Сюй Цзи действительно было привлекательным, и даже если бы оно было частично скрыто или открыто, оно все равно выглядело бы идеально.

Если бы этот человек одевался как положено, ел нормально, брил бороду, не пытался бы внезапно выглядеть изможденным, не сутулился бы и не вытягивал шею, не использовал бы диалектные выражения вроде «ань», «цзань», «цза», не строил бы гримасы и не поднимал бы брови с выражением «я деревенщина, но я горжусь этим»... то он был бы... неплохим...

Дойдя до этой мысли, Лу Хэнин сам не смог сдержать улыбку. На самом деле с тех пор, как они с Сюй Цзи последний раз общались, прошло уже больше месяца. Лу Хэнин был занят адаптацией к новой компании и новому окружению, и раньше он действительно не думал об этом. Теперь, когда эта часть прошлого случайно всплыла в памяти, он заколебался, нашел номер телефона, который набирал всего несколько раз, и понял, что ему нечего сказать.

Что сказать? «Привет, просто вдруг вспомнил о тебе и решил позвонить»? И что дальше? Кажется, ничего.

Лу Хэнин не привык поддерживать связь с другими людьми. У него почти не было друзей, бывшие коллеги после ухода обычно становились чужими, и даже с Ю Чэнем, с которым он раньше снимал квартиру и у которого были хорошие отношения, он больше не общался. Иногда ему было нечего сказать, и просто спросить, как дела, казалось ему наигранным. Иногда в праздники... Лу Хэнин всегда чувствовал, что у него все не так хорошо, и если бы он позвонил, разговор бы неизбежно зашел о текущем положении, и лучшим, что он мог бы сказать, было бы «нормально» или «как обычно».

Лу Хэнин задержался на этой записи на несколько секунд, а затем нажал кнопку удаления.

После квартального собрания компания установила новые показатели, и отдел маркетинга получил увеличение годового плана на десять процентов. Весь отдел воспринял это как катастрофу. Лу Хэнин пришел позже и, слушая разговоры вокруг, понял, что в начале года они уже заключили контракты с несколькими важными клиентами, и если все пойдет хорошо, годовой план будет выполнен уже в первой половине года, как только клиенты оплатят оставшиеся суммы. Это означало, что во второй половине года работа будет относительно легкой, а превышение плана могло стать основанием для выплаты годовой премии и повышения зарплаты.

В этом году контракты были заключены рано, и хотя это было успешным стартом, это также означало, что дальше будет сложнее. Руководитель отдела несколько раз бегал вверх, дергая себя за волосы, но директор знал, чего он хочет, и каждый раз отправлял его обратно, а затем поручил Лянь Цин провести разъяснительную работу и успокоить сотрудников.

Рабочий стол Лу Хэнина находился далеко от кабинета руководителя, и когда Лянь Цин проходила мимо, она всегда на мгновение задерживала на нем взгляд, едва заметно кивала и улыбалась, а затем заходила в кабинет. Лу Хэнин не придавал этому значения, но через несколько дней заметил, что отношение окружающих к нему слегка изменилось. Например, его больше не просили так часто «помочь» с обработкой аудио-видео файлов или доставкой посылок, а в перерывах коллеги, которые раньше просили его принести кофе или чай, теперь сами предлагали ему чашку.

Эти изменения были очень тонкими и естественными, но Лу Хэнин явно почувствовал разницу и предположил, что это было связано с Лянь Цин. Однако он не был уверен, как себя вести, и не знал, стоит ли благодарить ее. С одной стороны, он боялся показаться навязчивым, если бы поблагодарил, а она не имела в виду ничего особенного. С другой стороны, он чувствовал себя незначительным и понимал, что его благодарность, кроме слов, ничего не изменит.

Так прошла неделя, и в конце рабочего дня в пятницу ему сообщили, что нужно собрать вещи, так как на следующей неделе он поедет в командировку вместе с руководителем отдела.

Перед отъездом Лу Хэнин снова позвонил сестре, чтобы узнать, как у нее дела. На этот раз Нин Шань ответила с грустью:

— Я не знаю, что делать. Если он исправится и больше не будет общаться с той женщиной, я...

Она замолчала, и в голосе послышались слезы.

Лу Хэнин, который раньше, говоря о разводе, не решался дать сестре совет и не мог определиться, стоит ли ее уговаривать, теперь, услышав, что она снова колеблется,

почувствовал тревогу. Он поспешно спросил:

— Он сможет порвать с ней? Если бы он мог, он бы не повторял свои ошибки раз за разом, доведя все до такого состояния!

Нин Шань всхлипнула:

— Я знаю, я тоже... не знаю, как ему верить. Но ребенок еще маленький... сейчас он точно не может быть без мамы. Если я разведусь и он останется с ним и свекровью, их жизнь будет тяжелой. Ребенок в таком возрасте очень требовательный...

Услышав это, Лу Хэнин невольно замер, а затем Нин Шань добавила:

— Брат, не уговаривай меня, просто дай ему еще один шанс...

Она сказала еще несколько слов, но Лу Хэнин все больше запутывался. Через полчаса на телефон пришло уведомление — это было сообщение от Нин Шань, в котором было всего два слова: «Это ложь».

На выходных Нин Шань дала мужу шанс признать свою вину, и он написал письменное обязательство, пообещав больше не общаться с той коллегой. Но когда Лу Хэнин в понедельник сел в самолет вместе с руководителем отдела, он получил сообщение о том, что Нин Шань подала на развод.

В самолете Лу Хэнин не мог перестать думать о том сообщении. Даже после того как Нин Шань сказала «это ложь», он уже был готов к этому, но все равно не мог не почувствовать легкий шок.

Он вспомнил, как в детстве они с Нин Шань ходили в школу, и мама Нин запрещала им покупать уличную еду, но они оба были без ума от рисовых пирожков, которые продавал старик у ворот школы. Лу Хэнин боялся покупать их, но Нин Шань всегда делала это без колебаний, покупала их на свои деньги, быстро съедала и, выбросив зубочистку, всегда смеялась над ним, называя его трусом. Позже мама Нин узнала об этом и целый день читала нотации Нин Шань, говоря, что она ведет себя не как приличная девушка, что у нее нет воспитания и достоинства. Ее резкие и долгие упреки заставили Лу Хэнина замолчать от страха, но Нин Шань слушала с покорностью, а через несколько дней снова покупала пирожки.

Тогда их отец был еще жив, и он тайком давал детям немного денег, гладя Лу Хэнина по голове и говоря: «Не будь таким зажатым, будь больше похож на свою сестру».

Лу Хэнин думал, что его отец имел в виду, что он «честный». Но теперь, вспоминая это, он понял, что, возможно, он не был честным, а просто долгое время подчинялся чьей-то власти, что сформировало в нем природу покорности.

И даже, возможно, немного трусости.

<http://bllate.org/book/16320/1472946>